

Николай РАГРИН ИСКУССТВО КАТА

16+

@ЭЛИТА

Рагрин Николай

Искусство ката

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23324717
Искусство ката: Аэлита; Екатеринбург; 2017

Аннотация

Так уж сложилось в этих мирах, что борьба за жизнь отдельных представителей, лучших представителей – мастеров, становится борьбой за существование всего человечества. Ничто и никто не защитит мастера лучше его самого, но, оказывается, чтобы выжить в бою, быть мастером боевого искусства мало, не достаточно просто владеть им в совершенстве, просто быть «лучшим». Мастера не владели искусством самозащиты от нескольких бойцов, нападающих одновременно, и это едва не привело их к гибели. И только везение, немаловажный фактор, помог им выжить.

В одном из миров жил человек, который собрал вместе лучших мастеров для обучения их искусству ката, что в итоге спасло человечество.

Содержание

Вступление	4
Учитель	6
Ор	8
Перипетии судьбы	16
Мастер Кап	39
Дик	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Рагрин Николай

Искусство ката

Вступление

Молодой ученик как-то спросил своего учителя:

– Скажите сэнсэй, что такое каратэ?

Учитель понимал, что хотел услышать ученик, и, опустив веки, скрывая улыбку в глазах, ответил:

– Каратэ – это Путь, короткий путь ведёт к травмам, длинный – к озарению. Путь к вершинам мастерства длиной в жизнь.

Каратэ – это Путь самосовершенствования. Наставник может только подсказать, поправить ученика на его пути, но Путь у каждого свой, и пройти его каждый должен сам. Основоположник Даосизма (религии Пути) Лао Цзы сказал: «Явленный Путь не есть Путь», то есть чужим путём не пройдёшь.

Каратэ – это труд, тяжкий труд, порой на грани невозможного.

Каратэ – это терпение, и чем дальше идёшь, тем больше его необходимо.

Каратэ – это искусство, и как в любом искусстве, в каратэ необходимо богатое воображение. По сути каратэ при-

звано развивать его. Посредством тяжкого труда, большого терпения и богатого воображения мастер, достигнув озарения, отождествляется со вселенной и получает всю её мудрость и мощь.

Замолчал учитель, будто закончил, глядя на ошеломлённого ученика из-под полуопущенных век.

И тут ученик воскликнул:

– А как же рукопашный бой, где веками отточенная техника самообороны?

– Это есть, – ответил учитель, – но это не главное, а прилагаемое к каратэ, одна малая, пусть ярко сияющая грань большого искусства, первый и, пожалуй, самый короткий шаг на пути самосовершенствования.

Учитель

У каждого свой путь. Если вам посчастливилось найти его, доверьтесь ему и идите вперёд без оглядки. Нет ничего лучше, чем идти своим путём. Бывает, пути двух людей, пусть и очень хороших, идут в разные стороны, и им не суждено встретиться, впрочем, так же, как и пожалеть об этом когда-нибудь. А бывает, пути двух людей пересекаются, на счастье или на беду обоих или одного из них, но и в этом случае жалеть не стоит. Что нас ждёт на нашем пути, знает только Бог, впрочем, и решает Он, и только глупец поставит себе в заслугу все повороты своего пути.

Вот так встретились два человека, вроде случайно, по крайней мере, неожиданно для обоих, но что есть случай, если не высшее предопределение Божьей воли, или, если желаете, судьбы.

Учитель направлялся в Доджэ – свой собственный зал для тренировок, и практически уже пришёл. Их пути пересеклись у порога, когда раздался выстрел, а за долю секунды до него парень толкнул учителя в сторону, а сам отпрыгнул в другую, спасая жизнь и себе, и ему, так как их пути пересеклись как раз на линии огня.

Учитель много видел на своём веку, и был готов ко многому, но, когда пуля вонзилась в каменную кладку здания в том месте, где он только что стоял, даже он был несколько,

пусть на мгновение, выбит из колеи, попросту говоря, растерян, что с ним уже давно не случилось. Может быть поэтому он не уловил момента исчезновения своего неожиданно спасителя, будто растворившегося в воздухе. Видел учитель людей с мгновенной реакцией, но такое увидел впервые! Всё, что ему оставалось, это продолжить свой путь, то есть войти в Доджё. Однако он обратил внимание на невероятную мощь оружия, из которого был сделан выстрел: пуля основательно вошла в камень, хотя звука выстрела не было слышно. Видимо, стреляли издалека. Да и оружие могло быть с глушителем. Но если бы выстрел достиг цели, пуля легко пробила бы обоих.

Ор

Ор шёл по негустому подлеску, поигрывая дубиной, зажатой в правой руке. Своим размером дубина Ора вызывала невольное уважение к физической силе её обладателя. Он поигрывал дубиной с любовью. Лучшего оружия Ор до этого не имел. Дубина была в меру тяжела, хорошо отцентрована и имела твёрдую древесину. Уже не единожды одним ударом он легко раскалывал ею дубины своих противников в схватке. Сук, из которого она была сделана, Ор выловил в реке во время купания. Тот, видимо, довольно долго находился в воде, и представлял собой прекрасное морёное дерево, а мастер Янг с любовью обтесал его, что называется, вложил душу, цокая языком и удивляясь твёрдости древесины.

Здесь такое дерево не росло. Долгим был его путь, может быть, от самых верховьев реки, куда племя Ора не заходило. По рассказам стариков, там, на склонах высоких гор, росли могучие деревья с очень прочной древесиной. Но, по тем же рассказам, в тех краях обитало агрессивное и большое племя, встреча с которым могла быть плачевной для племени Ора. Хотя его соплеменники не слабы духом и телом. Большинство из них высокого роста и могучего телосложения. Но мужчин в племени не много. Это относительно молодое племя. Сам Ор, имея рост чуть меньше двух метров, не боялся встать на пути саблезубого тигра, и бывало, что тот уступал

ему дорогу. Ни пещерный лев, ни медведь не могли знать, чем кончится схватка с вооружённым человеком, и поэтому без крайней необходимости старались с людьми не связываться, тем более что пищи всем хватало.

Другое дело человек. Он не мог жить без драки, в постоянных схватках оттачивая свой дух и мастерство воина и охотника. Как это ни странно, но хорошая драка, порой со смертельным риском, позволила выжить и утвердиться человеку как властелину природы. Бывало так, что Ору приходилось вступать в схватку именно из-за своей дубины. Многим хотелось иметь такую. Но где взять, если не забрать силой. Ор был ещё относительно молод, и право обладать прекрасным оружием первое время должен был доказывать в бою. Но, несмотря на свою молодость, он был искусным бойцом, более того, талантливым, бойцом от Бога, а частые схватки значительно упрочили его мастерство, обогатив необходимым опытом. Со временем желающих вызвать на поединок Ора не стало, его мастерство достигло такого уровня, что равных ему в окрестных племенах не было, поэтому его оружие по-прежнему оставалось с ним.

Подлесок кончился. Впереди расстилалась ровная степь, покрытая высокой, до пояса, выгоревшей на солнце травой, и площадка, вытоптанная большим стадом бизонов, недавно пасшимся здесь, а сейчас ушедшим вниз по реке. Молодая трава только начала пробиваться на ней. Площадка была ровной, большой, стадо здесь долго квартировалось, облю-

бобав её под ночёвку. В общем, идеальное место для схватки. Здесь его и поджидали трое охотников из соседнего племени. Один из них, Одноглазый, получил своё прозвище благодаря Ору. Год назад Одноглазый вызвал его на поединок, претендуя на Уэйю, подругу Ора. Одноглазый тогда имел другое имя, ныне всеми забытое. Новое прозвище крепко прилипло к нему, что отнюдь не уменьшало его злобы. Именно в той схватке он и лишился глаза. И не только глаза. Он ещё и повредил правую ногу, после чего остался хромым. В общем-то, по большому счету, Ор не виноват в увечьях Одноглазого. По чистой случайности тот провалился ногой в нору в тот момент, когда Ор в высоком прыжке наносил ему удар ногой в голову. В результате чего он не смог избежать удара, да ещё и повредил колено, оставшись хромым и увечным на один глаз. В бою за обладание девушкой противники дрались голыми руками, но правил не было. Ор понимал, что даже выиграв этот поединок, Одноглазый вряд ли мог претендовать на благосклонность Уэйи. Может быть, это понимал и Одноглазый, но, имея злобный нрав, он просто не мог допустить, чтобы Уэйя досталась Ору. Если от победителя девушка могла отказаться, то по отношению к побеждённому была обязана сделать это. Таков закон. Увечья отнюдь не способствовали улучшению нрава Одноглазого, и вот теперь он решил поквитаться. Вряд ли эта встреча была случайной. На последней охоте, когда два племени объединились для совместного загона дичи, Одноглазый узнал о задании, ко-

торое получил Ор, а для опытного охотника большого труда не составляло вычислить маршрут и время возвращения. Одноглазый был уверен в своей безнаказанности, так как оба племени ушли вниз по реке вслед за бизонами, и свидетелей неравной схватки не могло быть.

Ор остановился, глядя на сосредоточенные лица своих противников. Против него вышли опытные бойцы, не раз побеждавшие в личных схватках. А то, что Одноглазый хромал на одну ногу, отнюдь не умаляло его достоинств. Его хромота компенсировалась лютой злобой и огромной силой.

Ор пошёл вперёд, не выпуская из рук своё оружие. Его противники тоже держали дубины в руках. Троица молча стояла на середине поляны, не шевелясь, ожидая приближения Ора. И когда он приблизился к ним на три метра, все трое, как по команде, разошлись в стороны, окружив его. Такая тактика применялась на охоте на зверя. Нападая одновременно со всех сторон, охотники не давали возможности своей жертве схватиться с одним из них и разобраться с каждым по отдельности. Против человека такая тактика не применялась. Всегда дрались один на один, независимо от числа участников боя: победил одного – выходи против другого, но никогда не нападали несколько на одного. Такое действие наказуемо, но без свидетелей противной стороны поневоле всем придётся поверить свидетелям Одноглазого. А они скажут, что схватка была по правилам, один на один, и Ор напал первым. Как видно, Одноглазый больше не хотел полагать-

ся на случай и решил уничтожить Ора наверняка. Поэтому шансов выйти живым из этой схватки у Ора не имелось. Он был отличным бойцом и имел шанс победить каждого из нападавших, но не всех троих одновременно.

Вообще-то Ор мог избежать неравной схватки. Просто убежать. Уж один из противников точно не смог бы его преследовать. Но Ор даже не подумал об этом. Будь перед ним десять противников, он и тогда бы не сделал даже попытки к отступлению. Уклониться от боя, проявить слабость, было противно природе человека того времени, и именно поэтому любой хищник, и не только хищник, любой зверь признавал за человеком право первенства. Кроманьонцы были могучи не только телом, духом они ещё сильнее. За сорок тысяч лет, которые минули с тех пор, человек измельчал, и то, что тогда было присуще всем без исключения, сейчас является редким качеством отдельных индивидуумов, бойцов по сути и по призванию.

Ор решил попытаться опередить своих противников, прыгнув в сторону Одноглазого и опережая своим ударом его удар. Дубины с треском встретились. Сила в руках Одноглазого была чудовищная. А лютая злоба только увеличивала её. Одноглазый в плечах значительно шире Ора, и имел более мощный торс, обладая почти квадратной фигурой. Но Ор намного выше, и постарался использовать своё преимущество в росте, высоко поднял дубину и вложил в удар всё, что имел в руках и в могучем теле, прекрасно понимая, что

второго раза может не представиться.

Дубины сошлись с оглушительным треском. Сила их столкновения была такова, что руки Ора на миг онемели до плеч. Оружие Одноглазого не выдержало удара и раскололась. Но всё равно удар Ора не достиг цели, его дубина лишь вскользь чиркнула по плечу Одноглазого, отбросив его в сторону. Вот только удержать дубину в онемевших руках Ор не смог и поневоле выпустил её из рук.

А в это время два других противника занесли своё оружие над головой Ора. И если бы он по инерции не упал следом за своей дубиной, на этом бы его жизнь кончилась. Не встретившись с головой Ора, дубины встретились друг с дружкой, издав ещё один оглушительный треск, при этом одна из них тоже сломалась. А Ор, упав на землю, не стал ждать следующего удара.

Подхватив своё оружие, он кувыркком вперёд выкатился за пределы центра нападения и тут же вскочил на ноги. Без промедления, с разворота в прыжке он обрушил свою дубину на сбившихся в кучу охотников, не разбираясь, кому достанется удар.

Надо отдать должное мастерству противников Ора. Люди отнюдь не случайные в технике боя, обладающие большим опытом и отличной реакцией, не позволили застать себя врасплох. Единственная оставшаяся целой дубина встретилась с оружием Ора и тоже приказала долго жить. Но так как сам Ор находился в опасной близости от своих против-

ников и продолжал по инерции двигаться вслед за своей дубиной, он не смог избежать столкновения с ними, тем более что они тоже всячески способствовали этому, оставшись безоружными.

Второй раз за несколько секунд боя жизнь Ора повисла на волоске. Один только Одноглазый со своей чудовищной силой мог руками разорвать Ора на части. И он бы без промедления сделал это, не приди к Ору неожиданная помощь.

Из подлеска со скоростью лани вылетела Уэйя. С громким криком ярости, подобно дикой кошке, она врезалась в плотно сбившуюся компанию. В правой руке она сжимала костяной нож для обработки шкур, острое и опасное оружие в умелых руках. А уж обращаться с ним Уэйя умела прекрасно, и первый, кто почувствовал это на своей шкуре, был Одноглазый.

Недостаточно длинный для того, чтобы достать до внутренних органов крупного мужчины, костяной нож, тем не менее, оставлял глубокие и опасные раны и мог серьёзно повредить связки и сухожилия, оставив противника на всю жизнь калекой.

Прекрасно понимая это и по опыту зная, что опасней дикой кошки противника не найти, нападающие рассыпались по поляне, зорко следя за ножом в руках Уэйи и, естественно, оставили свою жертву. Ор сравнительно легко отделался, помощь пришла во время. Несколько синяков и огромный кровоподтёк на теле, где его схватили руки Одноглазо-

го, были скорее болезненными и серьёзных увечий не представляли. Ор опять был готов к схватке с дубиной наперевес. А то, что рядом с ним стояла с ножом в руке, оскалившись в хищной, ничего хорошего не обещающей улыбке, Уэйя, не увеличивало желания нападать у безоружных охотников. Не всякий мужчина за просто так готов выйти против расшвырявшейся дикой кошки. Тем более что из правого плеча Одноглазого потоком лилась кровь, там, где оно повстречалось с ножом Уэйи.

Зажимая рану левой рукой, Одноглазый стоял, покачиваясь и тихо рыча. Он прекрасно понимал, что на этот раз с расплатой придётся подождать.

Перипетии судьбы

Неспешно подметая пол в Доджэ, учитель поглядывал на дверь, ожидая скорого появления своего спасителя. Что-то подсказывало ему ждать продолжения этой драмы. Его путь делал неожиданный поворот, он чувствовал это и был не против, но такой уж он был.

Вывеска над дверью говорила сама за себя, звонка не было. В Доджэ мог войти каждый, когда дверь открыта. Так и парень вошёл без стука, правда, сделал ритуальный поклон на пороге, что говорило о многом. Окинув учителя внимательным взглядом, он и ему поклонился и спросил:

– Можно войти, сэнсэй?

Веник в руках учителя не ввёл его в заблуждение, он прекрасно понимал, с кем имеет дело. Увидев утвердительный кивок, парень подошёл к учителю.

«Ты не так прост, как хотел бы казаться», – думал учитель, глядя на парня.

От внимательных глаз учителя не могло укрыться, что перед ним прекрасно и всесторонне физически развитый человек, с большим опытом в боевых искусствах. А увидев, как он двигается, идя к нему через зал, учитель уже на сто процентов был уверен в этом. Он всю свою жизнь готовил бойцов и, естественно, выработал свои критерии их оценки.

– Хочешь чаю? Надеюсь, ты знаешь, что произошло.

– Знаю. Наверное, нас свела судьба, и я рад тому, что мы встретились.

– Хорошо. Я с удовольствием выслушаю всё, что ты считаешь нужным мне рассказать.

– Скрывать мне нечего. Но приготовьтесь выслушать длинную историю, сэнсэй. Чтобы объяснить всё, мне придётся рассказать обо всей моей жизни. У меня такое чувство, что я должен вам довериться.

– Ну что же, у меня есть время, и хорошо, что ты не в моих годах, – улыбнулся учитель, шуткой несколько смягчая обстановку.

Дик, так звали парня, с видимым удовольствием пил чай. На недоумение учителя по поводу своего имени, он сказал:

– Нет, я не русский. А язык? Я свободно говорю на всех языках, по крайней мере, мне известных. Я же вас предупредил. Рассказ будет длинным.

Перед учителем сидел внук одного из самых богатых людей планеты. Даже, пожалуй, самого богатого. Империя, наследником которой должен был стать Дик, имела свои представительства практически во всех странах мира. И в круг её интересов входило всё, что только могло дать прибыль. Дед Дика был гений, создавший эту империю и правящий ею железной рукой. Его бывшие соратники, некогда начинавшие с ним закладывать фундамент будущей империи, сейчас тоже очень богатые и влиятельные люди, спали и видели, как бы освободиться от гнёта центральной власти, но пока был жив

дед, даже не помышляли об этом. Они прекрасно знали, что на каждого из них у деда существует пухлое досье, обнаружить которое равносильно их смерти. И они готовы были мириться с таким положением дел, пока дед жив, да и что им оставалось делать. Но никто из них не собирался допускать передачу этой власти по наследству. И тут уже дед ничего не мог поделать. Его мир жил по своим законам, изменить которые даже он не в силах. Всей своей безграничной властью он не смог защитить своего единственного сына и его семью. Автокатастрофа унесла шесть жизней. Хотя все были уверены, что семь. По счастливой случайности дед прибыл на место катастрофы первым. Машина горела, но спасти в ней было некого, в горящей машине не осталось живых. Чудовищный удар смял её в лепёшку, перемесив останки тех, кто в ней находился. В один миг дед потерял всех своих родных. И счёт предъявить некому. Несчастный случай, с какой стороны ни смотри. Дед не верил в случай, но доказательств иного не находилось. Трёхмесячный ребёнок, внук, остался жив. Может быть, мать выбросила его из машины в последний момент, а может быть, вышвырнуло ударом, теперь этого не мог знать никто. Впрочем, дед позаботился, чтобы такой вопрос не стоял. Он забрал ребёнка, скрывшись с места аварии. Всё равно остальным он ничем помочь не мог. Таким образом, возникла тайна происхождения Дика, о которой до недавнего времени знал только один человек.

Семья, воспитывавшая младенца до колледжа, получи-

ла его из третьих рук, и в колледж для детей очень богатых родителей Дик был помещён под вполне реально существующей, но совсем другой фамилией. Получив самое лучшее образование, какое вообще можно получить за деньги, в шестнадцать лет Дик вышел из колледжа в большой мир, имея практически безграничные возможности выбора дальнейшего пути. Он знал, что его родители погибли, правда, для него это были чужие люди. Деньгами его снабжал опекун, которого он никогда не видел, да и не стремился к этому, потому что не был к нему привязан. Он знал, что любые его желания будут безоговорочно исполнены, вот только желания его казались несколько странные для молодого человека его мира, богатства и образования. Дело в том, что дед решил воспитывать Дика так, что ему с младенчества, ненавязчиво, но упорно и последовательно прививали любовь к боевым искусствам, совмещая с постоянными тренировками самого разностороннего профиля. Поэтому по окончании колледжа Дик имел прекрасно сложенное сухощавое, выдубленное как сыромятная кожа, практически неутомимое тело, отличную реакцию и самую разностороннюю физическую подготовку, которую может дать западный мир. Но взгляд его был обращён к Востоку. Его учили, что там истоки мудрости боевых искусств, там живёт понимание силы тела и духа, в старых, до сих пор закрытых школах воинских искусств и монастырях. Знания в них и сейчас передаются непосредственно от учителя к ученику, и поэтому эти знания невоз-

можно почерпнуть ни из каких других источников, по причине отсутствия последних. Большие деньги дают большие возможности в достижении самых непостижимых целей, а огромные деньги дают безграничные возможности и открывают любые двери. К тому же если к этому ещё и прилагается бесконечное упорство в достижении цели, прекрасная физическая подготовка и цепкий всесторонне развитый ум, напичканный самыми разносторонними знаниями. Даже представить себе трудно, какие ещё знания и умения приобрёл Дик в различных, порой абсолютно закрытых школах воинских искусств и монастырях Китая, Японии, Кореи, Окинавы и Таиланда в течение пятнадцати лет.

– Ты изучал всё, или только рукопашный бой? – спросил учитель.

– Я старался изучать всё, но по-настоящему меня интересовал рукопашный бой, работа голыми руками.

– Всё? За столь короткий срок?

– Но у меня была хорошая подготовка. Да и потом, это только сначала тяжело и ново. А потом пошло всё легче и легче. Очень много общего.

– Понимаю. Поэтому ты решил закончить своё обучение всего через пятнадцать лет?

– Это так. Может быть, виной тому мой аналитический ум и склонность к анализу и систематизации знаний, – просто, без хвастовства, но и не без улыбки сказал Дик. – По большому счету, в идеале техника защиты голыми руками одна.

А та или иная школа лишь в большей и меньшей мере близка к идеалу. Например, прямой удар рукой. В идеале его техника не зависит от школы. Но вот поставить его иная школа старается по-своему, да порой и понимание этого действия в разных школах трактуется по-разному. Вот только суть от этого не меняется.

– Ты свободно говоришь на русском, как русский человек, почему? – неожиданно спросил учитель.

– И не только на русском, я уже говорил об этом. У меня поразительная склонность к языкам, дед сразу заметил и всячески способствовал развитию этого. Уже в пять лет мне достаточно было пожить месяц в стране с незнакомым языком, и я свободно начинал говорить на нём практически без акцента. С пяти лет я каждый месяц летних каникул проводил в другой стране. Таким образом, три языка за лето в течение последних восьми лет обучения.

– Не понял, почему с пяти лет? Ты же окончил колледж в шестнадцать, после десяти лет обучения.

– Это так, но дед и здесь постарался запутать следы моего происхождения. Я рос необычным ребёнком. Быстро, не по годам развивающимся. В три года я выглядел как шестилетний с развитием восьмилетнего. Вот дед и накинул мне три года. На самом деле я окончил колледж тринадцатилетним, правда, по развитию и внешнему виду мне никто не давал меньше восемнадцати.

– Теперь мне ясно, почему ты так молодо выглядишь. Тебе

всего лишь двадцать восемь.

– Да. Но после двадцати пяти лет я практически перестал меняться внешне.

– Это-то как раз понятно и вполне естественно, – скорее для себя сказал учитель.

Он догадывался, что объяснять что-либо сидящему против него молодому человеку не надо, достаточно посмотреть во всё понимающие, не по годам умные глаза.

– А другие знания тебе также легко давались?

– Ну, более-менее. Мне ведь с раннего детства так никто и не объяснил, что постигать знания тяжело, вот я впитывал всё, что мне давали, как губка воду. Для меня это естественно. А воспитание моё было построено так, что сравнивать не с чем. Похоже, за время колледжа я проглотил столько знаний, что и не снились многим профессорам самых разных наук, вместе взятым, – с улыбкой сказал Дик.

В смотревших на Дика глазах учителя таилось уважение, слегка приправленное иронией. Но недоверия в них не было. Учитель читал его лицо как раскрытую книгу и видел правду в словах.

– Похоже, твой дед сумел раскрутить твой «компьютер» на полную мощность, – негромко сказал он.

Дик опять улыбнулся, почесал затылок и сказал:

– Кто знает, что для него полная мощность.

– Значит, ты сам решил прервать своё обучение на Востоке? Почему? – опять сменил тему учитель.

– Скорее, пришлось прервать. Школ и монастырей там очень много, охватить все не хватит и жизни. Поэтому мне пришлось применить один критерий оценки уровня мастерства школы. Жестокий критерий, но не выходящий за рамки законов боевых искусств. Я приходил в школу и вызывал на смертельный поединок лучшего ученика.

– И когда ты это начал делать?

– Десять лет назад.

– И до сих пор жив, – с улыбкой сказал учитель.

Невесёлая была улыбка.

– Как видите, хотя вначале, первые пять лет, часто бывал на грани, где-то между жизнью и смертью. Мне не раз довелось заглянуть по ту сторону.

– Ну и как там? – спросил учитель.

– Ничего хорошего, поверьте.

– Да я и не сомневаюсь. Как видно, и здоровье у тебя отменное. Но ты придумал не самый лучший способ оценки уровня школы.

– Я вас понимаю, сэнсэй, выглядело не лучшим образом, но более быстрого способа нет, согласитесь.

– Бог тебе судья, – со вздохом сказал учитель, – но ты отдавал отчёт, что очередной раз мог стать последним?

– Для самурая нет лучшей смерти, чем в бою, – весело сказал Дик, – а с другой стороны, не нам решать, какой поворот на нашем пути последний, – уже серьёзно закончил он.

– Ну, если только так. Ты каждый раз уповаешь на Бога?

– Да, – услышал учитель короткий ответ.

– Значит, ты обучался в тех школах, где был побит. И как давно ты брал последние уроки?

– Пять лет назад.

– Тебе хватило пяти лет уверовать, что тебе нет равных на Востоке? – с сомнением в голосе спросил учитель.

– Но какие это были пять лет! Я думаю, что, по крайней мере, в единоборстве голыми руками мне нет равных в мире, – услышал он в ответ.

Спокойным голосом произнесены эти слова, без тени бахвальства или хвастовства. Дик верил в то, что говорил, и учитель видел, что вера произрастала не на пустом месте.

– По крайней мере, от скромности ты не умрёшь. Ладно, пусть будет так. Судя по всему, ты уникальный человек. Но, как я понимаю, это только прелюдия к твоему рассказу.

– Да. Но без этого я бы не смог объяснить остального, например того, что только что случилось.

– Ну и что же послужило причиной нашего знакомства?

– Очередное покушение на мою жизнь.

– Очередное?

– Да. Вернее, третье. Меня вычислили соратники деда. А возможности этих людей безграничны, как и их власть и богатство.

– А кто тебе рассказал про деда?

– Он и рассказал. Он неожиданно появился в момент первого покушения. Один из его телохранителей попытался за-

крыть меня своим телом, и был убит. После этого они используют очень мощное оружие. Целый месяц я гостил в одном из замков деда на необитаемом острове в Тихом океане. Там я был недосыгаем для киллеров. Дед рассказал мне всё о моих родителях и о своей родословной, уходящей корнями ещё к легендарному Моргану. Оказывается, этот знаменитый пират является моим пра-пра-пра-пра-прадедушкой. Именно благодаря этому меня так быстро вычислили. Семейное сходство подвело. Через поколение в нашем роду рождался по крайней мере один парень, как две капли похожий на него. А тут проныра-репортёр узнал о моих подвигах в Поднебесной, где я закончил своё обучение, и расстрезвонил по всем штатам об уникальном американце, покоровшем Восток. В общем, в Америку я прибыл известным человеком. Моими фото пестрели все газеты. И то, что я как две капли воды похож на деда в молодые годы, его соратники, начинавшие с ним когда-то, сразу узрели. Одного этого хватило, чтобы охота началась. Они работают наверняка, используют профессионалов самого высшего уровня.

– Но тебе как-то удалось избежать смерти уже три раза. Или два. Первый раз тебя закрыл телохранитель деда...

– Да нет. Три. Только тогда он погиб впустую. Меня на линии огня в момент выстрела уже не было.

– Ты и так умеешь? Значит, меня ты спас не случайно?

– Не случайно. И этому меня научили. Но это отдельная история. Я же говорил, рассказ будет длинным.

– Есть один монастырь на Тибете, – продолжил рассказ Дик, – где в своё время скрылись последние представители ниндзя. Дамоклов меч и сейчас висит над ними. Потомки самураев до сих пор верны старой клятве. Поэтому в этом монастыре потомки ниндзя выработали поразительные способы выживания. Я прожил там год. И этот год можно смело приравнять целой жизни нормального человека. Они научили меня чувствовать мысль и взгляд стрелка, мишенью которого был я, независимо от расстояния. Хотя взгляд могут чувствовать многие, как и читать мысли других людей. Ничего удивительного в этом нет. Стрелок вынужден концентрировать взгляд и мысль на своей жертве, иначе нельзя. Он как бы сливается со своим оружием, оружие становится частью него, он мысленно направляет пулю в то место, в которое хочет попасть. Поэтому его мысль и взгляд опережают пулю, несущую смерть. Но согласитесь, мало уловить эту мысль и этот взгляд, нужно ещё вычленив их из большого разнообразия других мыслей и взглядов, ведь человек очень редко бывает совершенно один. В большинстве случаев для нападения выбираются людные места. А если ещё при этом присутствуют телохранители, зорко следящие за жертвой и вокруг, то внимание их также напряжено и ещё больше усиливает посторонний фон. Но, даже почувствовав опасность, как успеть избежать пули, предназначенной вам? Пуля летит быстро. Но, как оказалось, и от неё можно уклониться. Меня научили и этому. Но давайте я расскажу всё по порядку.

Монахи, потомки ниндзя, разработали оригинальную методику, позволяющую человеку не только вовремя почувствовать угрозу и избежать её, но и безошибочно определить место, где прячется её источник. Сама по себе методика очень простая, не требующая никаких приспособлений или специальных средств, естественная как горы вокруг. Но пройти весь курс обучения может только очень крепкий физически и очень упорный человек.

Есть там место в горах, где нет ни животных, ни насекомых, ни растений, ни одного живого существа. Лишь голые скалы. Даже птиц я не видел ни разу. Меня оставили там одного, снабдив водой и скудной пищей. Сначала я даже испытывал удовольствие от полного одиночества. В первый раз в жизни я остался совершенно один. Мне не объяснили цель этого уединения, сказали: узнаешь в своё время. Поэтому я с удовольствием предавался размышлениям и нехитрым физическим упражнениям, так как моё жизненное пространство было строго ограничено. И так минуло пять дней. Потом начался кошмар. Я пребывал в расслабленной неге, стараясь мысленно слиться с окружающим миром, как вдруг неожиданно что-то ударило в мозг, как будто обожгло его, а затем в мою спину вонзилась стрела. Свои чувства я анализировал потом, когда ко мне вернулось способность мыслить. Я и сейчас не знаю, сколько времени пробыл без сознания, и что было тому виной – боль от стрелы или неожиданность боли. Ни один жизненно важный орган задет

не был. Стрела пробила широчайшую мышцу, не задев ни одну кость. Но пробила насквозь, и для того чтобы извлечь её, пришлось обломать с двух сторон. Эту нехитрую, но довольно болезненную операцию сделали, когда я уже пришёл в сознание и, естественно, без наркоза. Всё это входило в методику обучения, и было только началом. Наложив на рану повязку с бальзамом из целебных трав и ничего не объяснив, мои учителя молча удалились. Ответом на мой немой вопрос был слегка ироничный взгляд, брошенный одним из них через плечо, мол, сам напросился. Этот взгляд меня несколько отрезвил. Я действительно сам напросился, самонадеянно посчитав, что выдержу всё. А дорога назад для меня была всегда открыта, и вряд ли кто осудил бы меня за это, кроме меня самого. Именно тогда, после того взгляда, я закурил удила и решил, что скорее умру, чем уступлю себе. Но тогда я ещё не знал, на что себя обрекаю. Рана зажила удивительно быстро, или место такое, или бальзам, но уже через два дня я был совсем здоров и самостоятельно снял повязку. Лишь небольшой шрам напоминал о недавней травме. Естественно, я много думал о том, чему меня должна научить эта рана, должна быть определённая цель этого действия, и что ещё мне ожидать. И тем не мене я был совсем не готов, когда вторая стрела пробила мне спину с другой стороны, застряв во второй широчайшей мышце. Правда, сознание на этот раз я не потерял, хотя сразу пожалел об этом. Боль была невероятной, как будто в ране застрял раскалённый металличе-

ский прут. Я совершенно одурел от боли и перестал что-либо соображать. Опять пришли учителя, молча извлекли стрелу и, наложив повязку, так же молча удалились. Но на этот раз боль осталась и терзала меня ещё два дня, пока заживала рана. Потом боль ушла, но остался страх испытать всё ещё раз. Ещё двое суток я не мог спать, со страхом озираясь вокруг, не зная, откуда ждать очередного удара. Спрятаться там было абсолютно негде. Я и сейчас не знаю, как выдержал те четверо суток: двое суток невероятной боли и двое суток страха, проникающего до мозга костей. Но всё когда-то кончается. К счастью, ресурсы организма не беспредельны. Пришёл сон, как провал в беспамятство, после которого я обрёл способность думать и рассуждать. Страх не ушёл, лишь притупился немного. Перестал лить холодный липкий пот. Я стал искать ответ: для чего же нужно всё это? Через пять дней страх притупился настолько, что я перестал постоянно озираться по сторонам, как загнанный зверь. Хотя ответа пока не нашёл. Но я смог вспомнить то, что не давали вспомнить боль, а потом страх. Вспомнить удар в мозг перед ударом в спину, такой же, как и в первый раз. Это могло быть предупреждением выстрела, и я невольно стал ждать и бояться очередного такого удара. А что мне оставалось делать? И это случилось опять. Но я уже был готов, упал на землю почти одновременно с ударом в мозг и избежал удара в спину. Стрела лишь задела плечо, оставив глубокую царапину на нём. Но вернулась боль. И какая боль! Я ни до этого, ни после нико-

гда не испытывал такой боли. Не знаю, чем была смазана эта стрела. Я катался по земле и выл, как смертельно раненное животное, мечтая о смерти. От боли я потерял счёт времени и не заметил, когда пришли мои учителя. Они силой оторвали мою руку от раны, которую я зажимал, и чем-то смазали рану, что сняло боль. Позже, когда я начал соображать, пришло понимание, чего от меня хотят мои учителя и для чего нужна такая пытка. Это первый шаг на пути длиною в год и, пожалуй, самый трудный. Легче не стало, но появился смысл в том, что со мной делали, да и цель определилась. И ещё я понял, почему стрела задела меня. Сомнение помешало вовремя среагировать. Глубоко в душе я сомневался в правильности выбранного решения. Боль уничтожила все сомнения. Четвертая и пятая стрелы в меня не попали. И если от четвертой стрелы я в панике бросился на землю, то от пятой просто уклонился. Я перестал бояться стрел, поняв, как медленно они летят. Мысль и взгляд стрелка значительно опережали их, так как действовали мгновенно. Но, как оказалось, это было только начало. Потом случился выстрел, а я ждал стрелу, в общем, опять понадобился бальзам лечить уже огнестрельное ранение. Потом ещё и ещё, я не успевал уклониться от пули, и не верил, что это можно сделать, хотя уже безошибочно, автоматически угадывал выстрел. После обработки раны от третьего ранения со мной остался молодой монах. Мы о чём-то беседовали с ним, когда я вдруг получил толчок в грудь, от которого упал на спину, затем про-

звучал выстрел. Монах не только успел уклониться от пули, но и спас меня, так как я тоже был на линии огня.

– Каким образом ты смог это? – первое, о чём я спросил монаха.

– И ты сможешь. Как видишь, это возможно. Ты напряжён и скован, постоянно ждёшь удара и боишься его, поэтому не можешь двигаться быстро. Хотя уже можешь реагировать на выстрел рефлекторно, подсознательно. Тебе нужно освободиться от навязчивых мыслей, снять напряжение, внутренне расслабиться и не мешать себе самому. Твоё тело прекрасно знает, что делать, чтобы избежать боли, и ему не нужен мысленный контроль. Забудь про стрелка.

– Хорошо сказано, но как?

– Хотя бы так.

И без предупреждения нанёс мне удар рукой в голову, вернее, хотел нанести. Я не дал ему сделать этого. Он был отличным бойцом с отменной реакцией, я с удовольствием включился в спарринг, давно не дрался, и от напряжения забыл обо всём. Очнулся я лёжа на земле, прозвучал выстрел и меня осыпало каменной крошкой. Я знал: стрелок не мог промахнуться, но я избежал ранения и не успел понять, как. Я даже не осознал удара в мозг.

– Оказывается, можешь. Большой вред в сомнениях. Как отвлечься самому? Вспомни свой самый тяжёлый поединок. Уйди в себя. Но в момент удара в мозг сосредоточься на летящей в тебя пуле, увидь её мысленным взором и только по-

том реагируй на неё. И помни: большой вред в сомнениях.

Мне стало очень интересно проверить его слова. Он, похоже, знал, о чём говорил. В конце концов, что я терял? Одним ранением больше, одним меньше. Я уже начал привыкать к ним. Я вспомнил свой самый тяжёлый поединок, который мог стать для меня последним. Бог рассудил иначе. С этой мыслью я осознал, что получил удар в мозг, но не вышел из состояния внутреннего созерцания. Я потянулся мысленно к пуле, летящей в меня, и почувствовал её, даже увидел внутренним взором, приближающуюся ко мне, как в замедленном кино. Мне было так интересно, что я не сразу сообразил, кому эта пуля предназначена. Но и сообразив, не испугался, смысла не было, не страшной была медленно приближающаяся пуля. Я мог бы схватить её рукой, но, к счастью, не стал этого делать, а просто уклонился.

Мои упражнения в горах продолжались довольно долго. Вот только ранений больше не было. Я учился находиться в состоянии постоянной внутренней расслабленности, пока это состояние не стало для меня естественным, как дыхание. Я научился безошибочно определять место нахождения стрелка в момент выстрела. Потом начались тренировки в беге. Мне надо было как можно быстрее достичь этого места после выстрела. Оказалось, что состояние полной внутренней расслабленности полностью высвобождает резервы организма. Работают только нужные мышцы и, при необходимости, на полную мощность. Сначала не всё получалось.

Оказалось, непросто сохранять нужное состояние при беге в горах. Внимание сосредоточивается на мелочах, например: куда поставить ногу, или за какой уступ взяться рукой? Выделил частное, потерял общее. Чтобы сохранить состояние полной внутренней расслабленности, нужно полностью довериться своему телу, как доверяется всадник своему коню. Оказывается, скакуну довериться легче, чем самому себе. И через это пришлось пройти. Но теперь я знаю, что испытывает лунатик, идя по узкому карнизу высоко над землёй. Ничего не испытывает. Но какие силы высвобождаются! Как в трансе человек творит чудеса силы и ловкости, так и здесь, только это состояние можно назвать контролируемым трансом. Контроль есть, только как бы со стороны. Я первый раз попытался объяснить это словами, и вижу, получается не очень.

– Я понимаю, о чём ты хочешь сказать. Я видел тебя в деле, когда ты буквально растворился в воздухе после выстрела, – сказал учитель, – похоже, Уэсиба Морихэй – отец борьбы Айки-до, обладал похожей способностью. Ты в любой момент можешь так быстро действовать?

– Нет. Так быстро только после выстрела. Меня учили этому год. Учили реагировать на выстрел. Когда в меня стреляют, я впадаю в особое состояние, мои учителя не советовали мне даже пытаться впадать в это состояние без прямой угрозы для жизни. Говорили, что без такой угрозы можно мгновенно сгореть, как порох. А они научили меня верить им.

Но в повседневной жизни в этом нет необходимости. Не зря говорят: «Не поминай Господа всуе». Но и это было только начало пути длиною в год. Тренировки в горах дали многое. Они научили чувствовать и находить цель. Превращаться из дичи в охотника. А самое главное, научили верить себе. Верить без тени сомнения. Потому что даже маленькая тень, даже намёк на тень способна затмить разум. Но тренировки в горах проводились в идеальных условиях. Без помех. Далее мне предстояло выйти в мир и там научиться делать всё то, что я делал в горах. Я должен был научиться, подобно талантливому дирижёру, безошибочно определять одну фальшивую ноту в игре большого оркестра. Но только от этой ноты зависела моя жизнь. И я научился. Научился безошибочно определять мысль и взгляд стрелка в любых условиях, даже в океане страстей на стадионе во время футбольного матча. Но на это ушёл год. Пожалуй, самый тяжёлый и самый интересный год из всей моей жизни.

– Ну, и как ты действуешь, превратившись из дичи в охотника? – спросил Дика учитель.

– Определив цель, я мчусь туда и застаю стрелка там, откуда он стрелял. Надо видеть его лицо, когда я внезапно предстаю перед ним. Ничего я с ним не делаю, – ответил Дик на немой вопрос учителя, – пусть судьёй ему будет Бог. Я лишь ломаю его дорогостоящее, как правило, уникальное оружие, и, погрозив ему пальцем со словами: «Не делай больше этого, погибнешь», ухожу. Я уверен, что ни один из

них на вторую попытку не решится.

– Пожалуй, в этом ты прав, – с улыбкой сказал учитель. – Я не пойму другого: ты действительно так быстро двигаешься, что он не видит твоего приближения?

– Действительно. Никто не видит. Мир как будто замирает вокруг, как в замедленном кино, и безграничная радость в упоении бегом. Я подсознательно даже стал ждать и желать нападения ради этих нескольких секунд эйфории.

– Да с такими способностями ради удовольствия можно натворить дел, – с укором сказал учитель.

– Нельзя. Вы разве забыли: «Не поминай Господа всуе»? Помимо этих моментов, я вполне нормальный человек, ну, может быть, гипертрофически нормальный. Уберите всё лишнее, мешающее любому человеку, научите его всему тому, что знаю и умею я – и всё. Никаких других, не присущих всем людям качеств, у меня нет, кроме тех, которые появляются в момент смертельной опасности.

– Но так скоро ты отобьёшь желание всем стрелкам. Настоящих профессионалов не так уж много. И что мешает им прибегнуть к любому другому способу?

– Я, конечно, думал об этом. Но это самый верный способ. Вообще способов насильственной смерти не так уж много. А надёжных и того меньше. Это может быть яд, автомобильная или авиакатастрофа, бомба, и, наконец, прямое насилие, грубо говоря, драка с применением оружия или без него. В последнем случае, если это огнестрельное оружие, наверняка

рефлекс сработает в нужный момент. Драться я умею, занимаюсь этим всю сознательную жизнь. Катастрофы или бомбы, так или иначе, можно избежать. Да и везение здесь играет не последнюю роль, а порой даже решающую, а мне везёт, ведь одну автомобильную катастрофу я уже пережил. А что касается яда, то отравить меня практически невозможно. Нет такого яда в природе, к которому у меня не привит иммунитет. Есть такая методика, вы наверняка слышали о ней. Если человеку постоянно давать яд, начиная с микроскопических доз, постепенно увеличивая их, его организм привыкает к яду, вырабатывает стойкий иммунитет. Дед, можно сказать, с колыбели занимался со мной этим, перебрав все существующие в природе яды. Я даже думаю, не от этого ли у меня такой жизнеспособный организм? Любой яд полезен в малых дозах, но, может быть, в больших он полезен вдвойне? – со смехом сказал Дик.

– А как насчёт холодного оружия? В толпе народа, на улице или в другом месте не нужен снайпер, достаточно обыкновенного ножа.

– Это уже было, они с этого начали. Нож или другое холодное оружие, направленное против меня, такая же смертельная угроза, я её чувствую. И пусть двигаться так же быстро, как при выстреле, не могу, но справиться с любым вооружённым холодным оружием человеком сумею. Теперь вы видите, насколько непростая задача у моих недоброжелателей.

– Понятно. Выходит, после встречи с дедом ты пережил

ещё два покушения. Как же он допустил это?

– Там, на острове, я продемонстрировал ему свои способности. Надо было видеть лицо дедовского снайпера, разрядившего в меня весь магазин своей винтовки. Парню ещё долго придётся жить на острове в изоляции от всего мира. Бедолага узнал о моих способностях то, что не следует пока никому знать, естественно, кроме деда.

– А как же я, меня тоже уберут подальше?

– Вы не в счёт. К вам послал меня дед. Я должен передать вам его просьбу поработать со мной. Он разрешил мне рассказать вам всё. Он сказал мне, что вы знаете, чему ещё нужно меня научить.

– Но откуда твой дед узнал про меня? С какой стороны я вошёл в сферу его интересов?

– Я же говорил, что его империя охватывает всё, что только может дать прибыль. В неё входит и книжный бизнес. А что касается боевых искусств, то, учитывая направление моего воспитания, дед лично просматривает все новинки этой литературы. И особенно внимательно всё, что касается рукопашного боя и самообороны голыми руками. Так что вам лучше знать, что могло заинтересовать его в вашем поприще. Я, к сожалению, ваших книг не видел. Потому что всё последнее время уделял внимание исключительно практике, а не теории.

– Ну, тогда ясно. Остаётся склонить голову перед прозорливостью твоего деда. Гениям присуща нестандартность

мышления и умение выделить существо проблемы. Он увидел то, что упустил ты, специалист в рукопашном бое.

– Что упустил? Дед, конечно, гений, но, на мой взгляд, я учёл все способы, какими можно меня достать.

– Не все. Да вот, похоже, этот неучтённый тобой способ сам сюда пожаловал. Быстро действуют твои враги, и в сообразительности им не откажешь.

Мастер Кап

Мастер Кап оказался на земле. Густая трава мягко приняла на себя его обманчиво грузное тело, но в следующее мгновение он опять стоял на ногах, слегка пригнувшись и согнув ноги в коленях, держа посох перед собой двумя руками, готовый к продолжению боя. Впервые он встретился с противником, которого не мог одолеть на протяжении десяти минут. Как всякий мастер своего дела, он получал истинное наслаждение от схватки с равным по мастерству противником. Мастер Кап не спешил полностью раскрывать своё умение, продлевая удовольствие, но богатый опыт подсказывал, что и его противник тоже не спешит раскрываться полностью, предоставляя право первенства ему. Мысль, что с ним ведут игру, несколько подпортила удовольствие и на долю секунды отвлекла внимание, чем и не преминул воспользоваться противник.

«Похоже, пришло время работать по-настоящему, – подумал мастер Кап, отмечая весёлую искорку в смотрящих на него глазах на неподвижном, ничего не выражающем лице аскета, – кто знает, что ещё прячет в рукаве этот весельчак?»

Приём, уложивший мастера, был ему незнаком, хотя мастер был уверен, что знает всё об искусстве владения посохом. Вспомнились мудрые слова старого учителя: никогда не думай, что ты познал всё, любой прохожий может знать боль-

ше, помни об этом всегда и проживёшь долго. Игра потеряла смысл, так как не было известно, кто с кем играет, и мастер Кап решил начать работать по-настоящему, как не работал никогда после кончины своего учителя. Посох замелькал в его руках с невероятной быстротой, хотя сам он, внешне, стал двигаться плавней, как бы перетекая с места на место. Но его противник, похоже, прекрасно понимал, насколько обманчива эта плавность. Скорость движения мастера была так велика, что он как бы размазался в воздухе, и его тело потеряло чёткие очертания. Такая же метаморфоза произошла и с противником мастера: нашла коса на камень. Удар посоха мастера стороннему наблюдателю, если бы такой оказался, был бы не виден, настолько был быстр. Вот только ответное действие пришло ещё быстрее, и мастер опять оказался на траве. Но на этот раз встать он не успел, потому что конец посоха противника упирался ему в грудь, и если бы тот пожелал, то этот конец торчал бы сейчас из спины.

Лесная братия приняла незнакомца без лишних вопросов, так здесь принято. Он показал своё мастерство и добрые намерения, уложив мастера Капа, не причинив при этом никакого вреда. Лесные братья умели уважать мастерство и незаурядность. Впрочем, заурядных людей среди них не осталось. Они просто не выживали в постоянных стычках с армией наместника. Поэтому лесная братия состояла в основном из мастеров своего дела, будь то лук, короткий меч или любое другое оружие. Все знали, что если уж лесной брат дер-

жал что в руках, то умел мастерски с ним обращаться. Одно то, что мастер Кап превосходил любого члена братства мастерством, почему и носил двойное имя, говорило за незнакомца, победившего его.

– Как умер учитель? – спросил Дувнирг мастера Капа.

Дувнирг – таким именем представился незнакомец лесной братии.

– Ну что же, лес так лес, хорошо хоть зелёный, – сказал толстый монах, усмехаясь в густые усы, – меня, например, зовут дубом, но не за мой толстый живот, а за мою силу. Некуо, будем знакомы, – сказал толстый монах, протягивая незнакомцу руку для рукопожатия, с ладонью величиной с лопату. Дувнирг смело вложил свою тонкую кисть в раскрытую ладонь монаха. Лесная братия затаила дыхание. Мало кому без увечья давалось пережить рукопожатие Некуо. Он обладал поистине чудовищной силой, и порой, перехватив за стопу одуревшую от боли жертву левой рукой, пронесил его вокруг костра кверху ногами на вытянутой руке, совершал круг почёта, как это действие он сам называл. Огромный рост позволял ему делать это с отнюдь не мелкими людьми. Весельчак, видимо, решил проделать свой фокус с незнакомцем, может быть в отместку за поражение своего любимца, мастера Капа.

Но что-то сломалось в многократно отработанном сценарии. Лицо Дувнирга продолжало быть абсолютно бесстрастным, тогда как лицо Некуо начало зеленеть под ничего не

выражающим взглядом незнакомца. Опять нашла коса на камень. Второй раз в жизни толстый монах встретил достойного противника. Первым был мастер Кап.

– Не стоит, друг мой, – в абсолютной тишине прозвучал тихий и спокойный голос мастера Капа, – Дувнирг сильнее меня, а значит и тебе не по зубам. Уймись, пока цел.

Некую пришлось уняться под собственный одобрителный рокот, глубокий, как шум прибоя. Здесь уважали силу и проигрывать умели достойно.

Сейчас, когда все были заняты пищей, можно было поговорить без помех.

– Странная смерть, – ответил на вопрос незнакомца мастер Кап. – Учитель, как всегда, ушёл в лес для самостоятельных занятий и не вернулся к вечерней трапезе. Сначала мы не придали этому никакого значения. Что могло случиться с учителем в нашем лесу? Лишь не обнаружив его утром, пошли на поиски. Мы нашли его тело уже остывшим. По всей видимости, он погиб в бою. Но кто мог одолеть учителя? Я и сейчас не нахожу ответа на этот вопрос. Несмотря на свой возраст, он был в отличной форме и спокойно справлялся со мной в поединке.

– Понятно, почему ты проиграл мне: учитель не успел тебе передать всё своё мастерство, – тихим голосом сказал Дувнирг.

– Ты знал учителя?! – воскликнул мастер Кап. – Вот почему твоя техника так мне знакома.

– Нет, лично не знал. Он не успел бы передать мне всё своё знание до встречи с тобой. Долог путь познания и не спеша наполняется чаша. Моим учителем был старший брат твоего учителя. Они оба прошли школу у великого мастера Гнова, ты наверняка слышал легенды о нём.

– Это тот, который общался с Богами?

– Ну, это только легенда. Хотя, что такое мастерство, как не дар Божий?

– По крайней мере, по рассказам моего учителя, он владел посохом, как Бог.

– Где он сейчас или что с ним стало?

– Никто не знает. Однажды он сказал братьям, нашим с тобой учителям, что на данном этапе ничего больше дать им не в силах. Дальнейшее знание к ним должно прийти само с годами труда и осмысления пути. К полному знанию каждый из них должен прийти самостоятельно когда-то. Или не прийти никогда. И ушёл, оставив их думать над его словами. Где он сейчас? Кого учит, если жив? Не знаю. Мой учитель, когда уходил, поручил мне найти тебя. Станным у нас вышел последний разговор с ним.

– Иди, – сказал он мне, слова давались ему с трудом, будто через силу, – найди брата своего по духу и крестника моего. Смерть кружит над нами и первый её удар уже нанесён. Кто мог предвидеть? Но ты должен успеть. Держитесь друг друга. Будьте всегда вместе. Заверши то, что брат мой не успел. Я чувствую, большая сила скрыта в нём. С твоей помощью она

найдёт дорогу к свету. Тогда вдвоём вы сможете сделать то, что каждый из нас в одиночку не в силах.

– Учитель рассказал мне, где искать тебя. Теперь я понимаю его боль. Он сразу узнал о смерти своего брата. Они были очень близки и как-то связаны вместе. Едины духом, как объяснял эту связь мой учитель. В глазах его не было ни света, ни тепла, когда он прощался со мной. Смерть поселилась там. Боюсь, он ушёл навсегда, вслед за братом. Теперь нам предстоит разбираться со всем этим самим.

– Но что можем мы, если учитель не смог?! – воскликнул мастер Кап.

– Учитель сказал, что мы сможем, и многое зависит от тебя. Он верил в нас, и мы не вправе не оправдать его веры. Готовься брат, тебе я должен передать всё, что знаю сам, и как можно быстрее. Сегодня ты спишь спокойно последнюю ночь. Завтра начнём с рассветом.

Два месяца минули как один день. Мастер Кап не помнил, как спал, да и можно ли назвать сном то небытие, в которое он проваливался на короткие два часа, выделенные им обоим для сна Дувниргом. Двухчасовой сон и пища буквально на ходу, всё остальное время работа и работа. По тысячу раз отрабатывал он каждый новый приём, порой в полусознательном от усталости состоянии, пока в буквальном смысле не валился с ног. Двух часов сна и минимум еды один раз в день хватало для восстановления сил. Многолетняя работа с учителем научила его организм использовать скрытые

резервы, черпая силы из окружающей среды. Однако столь долгий срок жить с такой отдачей ему не приходилось. Но с другой стороны, может быть благодаря именно этому состоянию, наука Дувнирга усваивалась мастером Капом на удивление быстро. Казалось, он осваивал техники сразу на подсознательном уровне, минуя стадию осмысления. Дувнирг не давал дыхания ни себе, ни своему ученику, заставляя его двигаться вперёд без оглядки за гранью человеческих сил и возможностей, как будто им на пятки наступала смерть. Они работали и при свете солнца, и при свете звёзд, безлунными ночами и в темноте, когда свет звёзд закрывали тучи, и только свист посоха, рассекающего воздух, давал ориентир к ответному действию. Они работали в грозу, когда вспышки молний только уплотняли мрак, а слух бесполезен так же, как и зрение. Но посох встречался с посохом в нужный момент, и в нужную сторону уклонялось тело, чтобы избежать удара. И вдруг всё кончилось. Не сразу осознал мастер Кап слова Дувнирга, не сразу понял, что эти слова предназначены ему. Он даже не сразу вспомнил своё имя. Бессмысленно вначале для него прозвучали слова:

– Мастер, это всё, что я могу тебе дать, очнись, мастер, всё кончилось.

И лишь когда он осознал, что обращаются к нему, ещё не понимая смысла слов, недоуменно задал первый пришедший ему на ум вопрос:

– Учитель, я мастер Кап, неужто ты забыл, как звать меня?

– Ничего я не забыл, был Кап, стал Мастер, теперь это твоё имя. А я не учитель тебе больше. Им мог бы быть мастер Гнов. Но как проверишь? Эту ночь спим, завтрашний день отдыхаем. А потом будем двери открывать, – сказал Дувнирг, падая на землю лицом вперед.

– Какие двери в лесу, учитель? – недоуменно спросил его мастер Кап, но не получил ответа.

Дувнирг спал там, где упал, глубоко запустив пальцы обеих рук в густую траву, как будто заранее противясь попытке оторвать его от естественной постели.

– Какие двери в лесу, учитель? – повторил утром, после двенадцати часов беспробудного сна, свой вопрос мастер Кап.

– Я больше не учитель тебе, – услышал он в ответ, – какие двери, не знаю, не видел, но мой учитель рассказал мне, как можно попытаться открыть то, что в тебе закрыто, пока. Вот этим мы и займёмся попозже. После еды и отдыха. Когда мы последний раз нормально ели? – в свою очередь задал вопрос Дувнирг.

– Похоже, никогда, – мечтательно сказал мастер Кап, мгновенно забыв обо всём остальном, почувствовав нестерпимый голод. Сон пробудил естественные желания. «На первом месте после сна всегда еда стояла» – пришли на ум слова популярной в среде лесных братьев песни...

«Оказывается, я не знал, какое это удовольствие вот так просто лежать на траве, глядя, как солнце склоняется к за-

кату», – думал мастер Кап.

– Глупые люди, суетятся, чего-то хотят, к чему-то стремятся, не понимая, что ничего больше не надо для счастья, как просто лежать и ждать заката, зная, что за ним придёт рассвет, – сказал он, обращаясь к Дувниргу, облекая в слова своё неожиданное открытие.

– Кое-что ещё надо, чтобы обладать этим счастьем, – услышал он спокойный, немного грустный голос.

– Что ещё надо? – недоуменно спросил он. – Мне этого хватит вполне, ничего больше не хочу.

– Надо, – прозвучали слова, резкие, как удар хлыста, – для этого надо, как минимум, быть живым.

Последующий за этим удар посоха любого другого человека сразу лишил бы жизни.

Лежащий рядом с мастером Капом посох каким-то образом сам оказался в его руках и встал на пути разящего оружия. Сухое дерево не даёт искр при ударе, но звук был звенящий, как от удара метала по металлу. Не простое дерево лежало у них в руках. Обыкновенное дерево, пусть даже самых прочных пород, не выдержало бы таких ударов. Здесь ещё имелись секреты специальной обработки, известные только большим мастерам, передаваемые из рук в руки с наукой мастерства владения посохом. Но такой посох являлся большой редкостью, впрочем, как и настоящий мастер. И то, что сейчас в бою встретились два мастера, было из ряда вон выходящим случаем.

Отразив первый удар, мастер Кап второй удар уже отражал на ногах, вскочив с непостижимой быстротой. Но всё же он с трудом успевал за действиями своего агрессивного противника. Дувнирг был одержим одним желанием: сразить его, чего бы ему это ни стоило. В его действиях не было злобы, не было других чувств, кроме одного – безмерного желания убить, с холодной решимостью в стальных глазах.

Мастер Кап попал в прицел этих безжалостных глаз, и выйти из него пока не мог. Уже четыре часа он отчаянно защищался от непрерывных атак, и ему совершенно некогда было разбираться в мотивах поведения своего недавнего учителя.

Наступила ночь, а бой продолжал пылать, всё увеличивая накал. Но, видимо, не зря Дувнирг дал мастеру Капу имя Мастер. Работая так же невероятно быстро, как и его противник, далеко за гранью человеческих возможностей, он успел осознать одну простую мысль, сверлящую воспалённый от неожиданной агрессии мозг: «Меня загнали в глухую защиту, а защита без контратаки – прямой путь к поражению».

Вслед за осознанием этой мысли откуда-то из потаённых мест его подсознания родилась волна, растущая подобно цунами, незнакомых ему до этого эмоций и страстей. Эта живительная волна омыла оголённые нервы, разрушила все преграды и сняла все запреты с его многострадального тела. С ней вместе в его обновлённой душе родился беззвучный крик безмерной радости. Никогда ещё он не работал так, как

заработал с приходом этой волны, и ничего ему стало не нужно, кроме одного – упоения боем. С неммым криком родился Боец, и удар был ответом на очередной удар Дувнирга.

И вот тогда по-настоящему начался бой, бой мастеров, бой равных. Они дрались с восхода до заката следующего дня, не помня ничего о предыдущей ночи. Они дрались и следующую ночь, под светом звёзд, немых свидетелей небывалой драмы.

На третий день при ураганном ветре началась гроза, и даже густой лес не мог укрыть их от дождя и ветра. Разверзлось небо, и вода лилась рекой, как водопад, а шквальный ветер ломал сухие сучья и валил старые деревья, чьи корни не имели сил держать их более. Но что дождь и ураган в сравнении со стихией боя – бойцы и не заметили его. В душе их kloкотал куда более сильный поток холодного огня, перед которым даже темнота бессильна. И на удар ответом шёл удар, и бой кипел во тьме ещё сильнее, чем при свете дня. Каким-то непостижимым образом им стали не нужны глаза, которые стали бессильны в окружающей кромешной тьме.

Так минули и третьи сутки боя, как вдруг всё кончилось. Не сразу осознал это мастер Кап, продолжая рубить посохом направо и налево, и вверх и вниз, но только пустота встречала его удары. Противник вдруг пропал. А когда осознал, и обычное зрение вернулось к нему, то увидел Дувнирга, тяжело опирающегося на свой посох, с другой стороны поляны. В глазах Дувнирга уже не присутствовало ничего, кроме

безмерной усталости, но в глубине их таилось удовлетворение и лёгкая тень улыбки, скорее намёк на неё. Постоял и упал без сил, нисколько не заботясь о реакции на свои действия медленно приходящего в себя мастера Капа. А мастер Кап подошёл к нему, лежащему на траве, сел рядом, и тоже отключился, как будто провалился в чёрную бездонную яму.

Лесная братия успела привыкнуть к отсутствию мастеров. Два месяца – большой срок. Даже особо любопытным давно надоело смотреть на их многократные повторения одних и тех же действий. Но гроза, больше похожая на стихийное бедствие, заставила вспомнить о них Некуо, принимавшего близко к сердцу дела своего друга мастера Капа. Он начал бить тревогу, когда мастера не вернулись в летний лагерь на следующий день после грозы. Чувство тревоги подогревали воспоминания о кончине старого Мастера. С восходом солнца он собрал ватагу из десятка людей. Все при оружии, сам он не признавал ничего, кроме увесистой дубины, которой владел в совершенстве, они двинулись в направлении поляны. Поляна, на которой происходили занятия, а затем и поединки мастеров, находилась на расстоянии двух километров от летнего лагеря. Густой лес мешал видеть, что на ней происходит, пока не окажешься в непосредственной близости. Но Некуо насторожила тишина, он не слышал привычного стука посохов друг о друга. Его острый слух не улавливал ничего. Полная тишина пугала больше, чем крики о помощи или любые другие звуки. Не доходя ста метров до

поляны, лесные братья как по команде перешли с быстрого шага на быстрый бег. Но буквально через несколько секунд тишина на поляне взорвалась такими звуками, что ватага понеслась вперёд сломя голову.

Мастер Кап спал, как не спал никогда в жизни. Разве что, может быть, так спал после рождения, претерпев родовые муки с появлением на свет. Но сейчас он родился заново. Отнюдь не с меньшими, если не с большими муками появился на свет Мастер, выйдя из горнила боя обновлённым душой и телом. Мастер спал, спал и его друг, и недавний учитель Дувнирг. Минул день, а за ним ночь после грозы, но их сон не стал менее крепким. Мастеру Капу снился его старый учитель, сидящий возле небольшого костра, подкидывая в него сухие ветки.

– Смотри, сын мой, – негромко говорил учитель, – я зажёг костёр, и он будет гореть, пока я буду рядом. Но стоит мне уйти, отлучиться даже ненадолго, забыть о нём и костёр погаснет. Так и в тебе горит огонь мастерства, я зажёг его, но только от тебя одного зависит сделать так, чтобы он не погас никогда. Лень и праздность – вот главные враги этого огня, не давай им коснуться его. Поддерживай огонь своего мастерства постоянными тренировками и многократным повторением приёмов. Но не только лень и праздность могут потушить его. Он может погаснуть так же, как погас мой, оставив холодный мрак в моей душе и теле. Поздно понял я, чего не умел сам и чему не научил тебя. Благородство вои-

на проявляется в поединке один на один. При этом не имеет значения, сколько людей участвует в бою. Победил одного, вступай в бой с другим – это закон, по которому ты живёшь, и я жил. Но зло не знает благородства. Победа любой ценой – вот его закон. Я не сумел устоять против десяти противников, напавших на меня одновременно, и тебя не научил этому. А теперь проснись, мастер. Настал твой час, да поможет тебе Бог там, где я не сумел помочь.

– Проснись мастер, проснись, – услышал мастер Кап взволнованный голос Дувнирга, трясущего его за плечо.

И мастеру Капу пришлось мгновенно включиться в реальность, наполненную смертельной опасностью.

На поляну с противоположного её конца стремительно выбегали вооружённые короткими мечами воины числом более десяти в лёгких доспехах. Но одна странность в их одежде сразу бросалась в глаза: чёрная маска на лицах с прорезью для глаз. Они не хотели быть узнаны, и мастер Кап сразу понял, почему, ещё свежи были слова старого мастера в его сне. Не останавливаясь, воины в масках побежали вперёд, стремительно приближаясь. И тут раздался крик. Более десяти глоток разом извергли боевой клич, громкий и режущий слух, звук которого способен парализовать волю слабохарактерного человека.

Мастер Кап мгновенно оказался на ногах, схватил и развернул Дувнирга, прижавшись своей спиной к его спине. Ни на какие другие действия не оставалось времени. Конечно,

лучше бы прижаться спиной к стволу векового дерева. Он бы успел добежать до ближайшего. Но последовал бы за ним Дувнирг? Неизвестно. Вряд ли он мог видеть тот же сон, и, естественно, спокойно мог ждать нападения там, где стоял. Наверняка с его точки зрения число нападавших было невелико, по одному он один мог справиться и с большим числом бойцов, а их оружие для мастера не имело значения.

Поэтому мастер Кап принял единственно правильное с его точки зрения решение, правда, услышал удивлённый возглас Дувнирга в ответ на свои действия. Друг не понял его, но перечить не стал, наверное, его несколько насторожили маски на лицах нападающих воинов. Но их последующие действия сразу показали ему, насколько правильной была тактика мастера Капа.

Нападающие явно не ожидали подобных действий со стороны своих жертв, взяли их в круг и становились на секунду, видимо, несколько опешили. В следующий миг ещё более громкий и яростный крик вырвался из их глоток, и они все разом ринулись вперёд, в атаку. Но их первая атака была отбита. Затем и вторая, и третья.

Прочно стояли спиной к спине два мастера, и не нашлось бреши в их обороне. Но в их силе таилась и слабость. Они не имели возможности контратаковать на расстоянии большем длины посохов, не могли отойти друг от друга. И это хорошо понимали нападающие, ища бреши в обороне, мастерски ведя бой и соблюдая дистанцию.

Первые три атаки не принесли преимущества ни одной стороне. Но все прекрасно понимали, и нападающие, и защищающиеся, что так долго продолжаться не может. Всё-таки действия мастеров были довольно скованы в контратаке ограничением дистанции для манёвра. Защита без должной контратаки – прямой путь к поражению. А оторваться друг от друга они не могли, потому что не знали, как вести бой сразу с несколькими противниками. Повернуться к любому спиной было равносильно смерти. Круг замкнулся, и выхода не было, если бы не появление лесных братьев. Реакция на их появление у воинов в масках была мгновенной: отпрыгнув от своих жертв, они с невероятной скоростью растворились в лесу.

Дик

Дверь из комнаты, где Дик с учителем пили чай, в спортивный зал оставалась открыта, поэтому они могли видеть компанию рослых парней, зашедших в него. Их было пять человек, но все как на подбор мускулистые и широкоплечие, да и ростом не малые.

– Это по твою душу, – услышал Дик спокойный голос учителя. – Что ты теперь будешь делать?

– Разберёмся, сэнсэй, – весело сказал Дик, видимо, заводясь в предчувствии схватки.

«Молодец, парень, – подумал учитель, – на таких сорвиголовах и держится вся история завоеваний человека, таких останавливает только смерть, но он ещё не знает, как она сейчас близка к нему».

Учитель успел оценить уровень бойцов, казалось, заполнивших своими мощными телами спортивный зал. И хоть внешнею они отличались друг от друга, их объединяло одно общее – мастерство. Каждый из них, может быть, и уступал Дику, но все вместе представляли грозную силу. И им не нужно было иметь оружие, способное разбудить в нём сверхъестественные способности. Благодаря своему большому опыту учитель видел, что оно им без надобности. К нему в зал зашли бойцы, бойцы очень высокого уровня. Надо было суметь собрать всех под одной крышей.

Парни стояли в ряд в центре зала. Их молчание и горящие глаза говорили красноречивей слов о цели их прихода. Более не говоря ни слова, Дик вышел в зал и остановился во внешне расслабленной позе на расстоянии трёх метров от них. Но учитель видел, насколько обманчива эта расслабленность. Шла дуэль взглядов. Пять волевых прицелов против одного. Ни один мускул не дрогнул на лице Дика, и оно ни на секунду не изменило своего безмятежно-расслабленного выражения.

«Молодец, эту атаку ты выдержал, но что будешь делать дальше?» – стоя в дверях, подумал учитель, заметив уважительный блеск в пяти парах устремлённых на Дика глаз.

(Дальше Дик выхватил из-за спины два «узи» и влупил двумя длинными очередями поперёк стоящих: одну очередь чуть выше пояса, другую – ниже. Чтобы не смогли уйти в прыжке или перекатом. Но один все же оказался немного более шустрим, и его пришлось расстреливать в спину, на последних патронах. Немного неспортивно, но куда деваться: уж слишком неравны были силы).

Стоящий в центре пятёрки парень лёгким скользящим шагом пошёл вперёд, стремительно сокращая дистанцию между собой и Диком, словно плывя над татами. Не прекращая движения, он сходу провёл атаку руками и ногами, короткими и очень быстрыми «кинжальными» ударами. Но только его удары, несмотря на вызывающую уважение скорость, не достигли цели. Дик плавно и так же внешне рас-

слаблено уклонился от них, уйдя в сторону от направления атаки. Обманчивая это была плавность. Похожая на мягкую стремительность струящейся воды. В следующий миг в скользящем перемещении Дик сам провёл контратаку руками в голову нападающему. Не столь искущённому наблюдателю, как учитель, показалось бы, что контратака имела успех. Но учитель видел, что удары Дика также не достигли цели, хотя уклониться от них противнику стоило большого труда.

«А ведь он бы мог достать его, если бы захотел, – подумал учитель, – с огнём играешь, парень, ты не использовал свой шанс уменьшить их число, до сих пор не понял, что сейчас будет», – однако не без доли уважения подумал он.

Как оказалось, и противник понял это, но у него действия Дика вызвали скорее злость. Разорвав дистанцию стремительным перемещением назад, он замер в боевой стойке, глаза его вспыхнули неистовым огнём, ничего хорошего не предвещавшим Дику.

«Злость плохой советчик, дружище, – подумал учитель, – ты бы уже проиграл, если бы не четверо твоих друзей».

Демонстрация силы, как оценили его действия нападающие, не принесла пользы Дику, а скорее ускорила развязку драмы: враги поняли, что каждый из них слабее него, и не стали больше рисковать. В следующий миг остальные четверо парней рассыпались веером, окружив Дика, взяв его в плотное кольцо. Только после этого Дик наконец понял, что

его ждёт. Что пяти поединков по очереди с каждым из пришедших не будет. Он быстро поворачивался, стоя на месте в центре круга, в ожидании первого нападения, читая в глазах окруживших парней, что благородных действий от них ждать не стоит, и что любая атака с его стороны сразу повлечёт за собой удар в спину.

(И тогда он извлёк из-за плеч две катаны и мгновенно изрубил противников на сасими).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.